

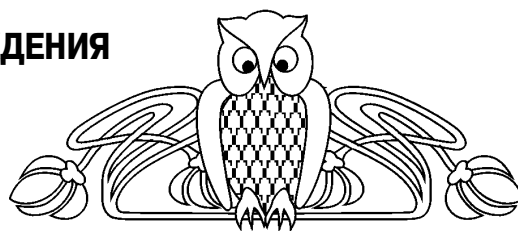

УДК 165

СИНТЕТИЧЕСКИЕ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ СУЖДЕНИЯ (проблема демаркации)

И.П. Тарасов

Саратовский государственный университет,
кафедра теоретической и социальной философии
E-mail: DmitryAfanasyev@mail.ru

Работа посвящена проблеме демаркации суждений на синтетические и аналитические. Автор приходит к выводу о необоснованности такого разделения, аргументируя свое решение с позиций представителя корреспондентской теории истины, где истинность любого суждения зависит от его соответствия реальности.

Analytical and Factual Propositions (The Problem of Demarcation)

I.P. Tarasov

This article searches the problem of the demarcation between analytical and factual propositions. Author make the conclusion of unproved his demarcation explicated the argumentation from the correspondence theory of truth that utterance that truth of every proposition consist with its correspondence with reality.

«...вопрос, что является “аналитическим”, бесконечен, и награда за попытку дать “точные” ответы весьма сомнительна»¹

П. Вейнгартнер

Проблема разделения суждений на аналитические и синтетические была впервые поставлена Кантом как попытка провести линию демаркации между знанием эмпирическим и концептуальным². Впоследствии проблема различения познавательного статуса аналитических и синтетических суждений стала одним из источников создания логической семантики³. Пик дискуссий по проблеме разделения суждений на аналитические и синтетические приходится на 50–60-е гг. прошлого столетия, когда в рамках аналитической философии столкнулись взгляды двух крупнейших философов XX в. – У. Куайна и Р. Карнапа (хотя оба философа были аналитиками, однако представляли различные направления в рамках аналитической философии). У. Куайн был логическим прагматиком; в философии математики он отстаивал позиции концептуального номинализма и, считая себя последователем Дж. Дьюи, не мог согласиться с мнением, что существует разделение знания на теоретическое (концептуальное) и эмпирическое (синтетическое) – потому что «разделение между теорией и практикой более не существует... теория является самой практической вещью в мире...»⁴ Р. Карнап выражал взгляды логического эмпи-

ризма и под влиянием раннего Витгенштейна считал логические истины тавтологиями, ничего не сообщающими о мире и являющимися истинными независимо от любого положения дел. Карнап к тому же разделял мнение Б. Рассела и А. Уайтхеда о том, что математика сводится к логике (так называемая доктрина «логицизма»), и чтобы отделить знание математики и логики от знания эмпирических наук, Карнап вводит старое кантовское разделение знания на аналитическое и синтетическое⁵.

Наше исследование проблемы разделения суждений на синтетические и аналитические сосредоточится на следующих пунктах: во-первых, это рассмотрение концепции Карнапа; во-вторых, анализ критических аргументов, выдвинутых против этой концепции в частности (и против попытки разделения в общем); в-третьих, подвести итоги по дискуссии, возникшей вокруг проблемы разделения суждений на аналитические и синтетические.

Концепция Карнапа

Р. Карнап пишет: «Предложение является аналитическим в L для x в t , если его интенционал (или область, или условие истинности) в L для x в t охватывает все возможные случаи»⁶. Другое, более простое определение аналитичности дано Карнапом за счет сведения понятия аналитичности к понятию L -истинности: « L -истинно мыслится как экспликат для того, что Лейбниц называл необходимо истинным, а Кант – аналитически истинным... 2.2. Определение. Предложение G ; L -истинно (в S_1) = DFG ; выполняется в каждом описании состояния (в S_1)»⁷.

В противоположность этому синтетическое суждение – это предложение фактуальное; истинность его зависит от случайного стечения обстоятельств, оно не выполняется в каждом из возможных положений дел и является проблематичным в отношении своего разрешения без обращения к фактам⁸.

Конечно, приведенные выше определения еще не доказывают существования дихотомии, но они обеспечивают надежную концептуальную основу для разделения при условии наличия определенного рода предложений, допускающих такого рода интерпретацию.

Примеры аналитических (или *L*-истинных) предложений (по Карнапу):

(1) а. Если Джон холостяк – то он не женат или

б. Человек – существо разумное (в карнаповской символической версии: $(x) [Hx \equiv \equiv RAx]$).

(2) Фидо черен или Фидо не черен.

Как видно из примеров, существуют два вида аналитических высказываний: собственно аналитические высказывания (1) и логические истины (2); причем предполагается сведение первого типа высказываний ко второму, как более фундаментальному. Второй тип высказываний является логической аксиомой или тавтологией, а следовательно (если мы придерживаемся доктрины Витгенштейна, говорившего, что: «...тавтология и противоречие показывают, что они не говорят ничего. У тавтологии нет истинных условий, ибо она безусловно истинна...»⁹), его истинность не обусловлена эмпирическими свидетельствами; а определяется чем-то другим – это могут быть «законы мышления», «семантические правила»¹⁰ или что-то еще (все зависит от того, как мы интерпретируем логику), а чтобы свести высказывания первого типа ко второму, мы вводим «постулаты значения»¹¹.

Синтетические высказывания – это все те высказывания, которые не являются определениями (1) и тавтологиями (2). Например:

(1) Некоторые столы деревянные (примеры синтетических / фактуальных высказываний менее важны и проблематичны, так как споры возникали всегда вокруг понятия «аналитичности», а не «синтетичности» – как это будет видно впоследствии).

Рассмотрение аргументов против разделения суждений на аналитические и синтетические

В рассмотрении аналитических суждений мы выделили два типа высказываний: собственно аналитические высказывания и логические истины (тавтологии). Истинность обоих классов суждений зависит от значения терминов, входящих в них, причем первый класс высказываний может быть сведен ко второму (более фундаментальному) за счет введения «постулатов значения» или «когнитивной синонимии».

Критики теории разделения обычно стараются показать следующее:

а) термин «значение» (с помощью которого устанавливается истинность аналитических предложений) выбран неудачно, потому что является противоречивым и неопределенным: «...нет ничего, что действительно стоит называть «значением слова», тогда фразы типа «часть значения слова “X”», как и “левое, висящее в воздухе”, являются полностью неопределенными – мы просто не понимаем, что это значит вообще»¹²;

б) истинность аналитических предложений (не логических аксиом) основана на фактуальном

знании: «“Человек по необходимости есть живое существо” основан на определении «человека» как «двуногого живого существа», принадлежащего к эмпирической науке. Конечно, всякая наука должна иметь в своем распоряжении точно сконструированный язык, а для этой цели необходимы правильно образованные определения, так как они объясняют значения слов, однако они не могут заменить опыта»¹³;

в) невозможность свести аналитические предложения к логическим истинам: «Я не думаю, однако, что отношения между содержанием, оправдывающие утверждение формы “Все *A* суть *B*”, могут всегда быть сведены к тавтологиям»¹⁴;

г) принципиальную невозможность деления суждений на аналитические и синтетические: «Что вообще подразумевается под тем, что суждение является или “синтетическим”, или “аналитическим”. Этого мы просто не знаем. Конечно, мы чувствуем склонность сказать: “Можно легко привести примеры аналитических и синтетических суждений: «быть профессором» не является частью значения «быть человеком» и т.д. «*A* есть *A*» является аналитическим суждением”. Все это так, но от нас ведь требуют общую дефиницию того, что мы подразумеваем под “аналитическим” и “синтетическим”»¹⁵;

е) даже логика и математика должны обосновываться опытом: «Никакая дедуктивная система не может базироваться на определениях как на своих последних основаниях. Каждое определение предполагает некоторые основные термины, при этом значение основных терминов должно быть разъяснено с помощью примеров, аксиом или правил, основанных на опыте»¹⁶.

Предполагаемое решение вопроса о «разделении»

В теории аналитичности можно выделить три главных пункта:

– об интерпретации аналитических суждений (или, более точно, чем детерминирована истинность так называемых «аналитических предложений»);

– о сводимости аналитических предложений к логическим истинам;

– об интерпретации логических истин, а вместе с этим и самой логики.

Начнем с первого: каким образом устанавливается истинность аналитических предложений? Рассматривая предложение: «Холостяк – это неженатый человек» – сторонник аналитичности скажет, что истинность этого предложения зависит от значения входящих в него терминов, и, следовательно, устанавливается без обращения к фактам. На это противник аналитичности мог бы спросить: «А откуда мы узнаем значения этих слов?». И здесь становится понятным, что значение слов не может быть

установлено без первоначального обращения к опыту. Кажется, что единственно возможный выход из сложившейся ситуации – это утверждать, что истинность предложения, которое (по сложившейся терминологии) называется аналитическим, устанавливается, первоначально, при изучении фактов – а затем, *в дальнейшем*, не требует обращения к эмпирическому материалу. Однако такое решение проблемы, кажущееся приемлемым с первого взгляда, встречается с некоторыми трудностями: во-первых, каким образом мы устанавливаем критерий первоначальной выборки фактов (или: что служит основанием для прекращения изучения фактов и установления окончательной истины); во-вторых, если мы сторонники корреспондентской теории истины, то утверждение, что истинность предложения «холостяк – это неженатый человек» основано на значении слов – выглядит просто абсурдно. И даже если мы не сторонники теории соответствия, то все-таки нам необходимо принять одну максимум теории истины, утверждающую, что *истинность предложения зависит от чего-то внешнего по отношению к нему* (мы не обязаны соглашаться с тем, что «истинность» предложения состоит в его соответствии с реальностью, но не можем отвергнуть того факта, что между нашими высказываниями и миром имеется некоторое отношение, которое фиксируется предикатом «истинно»¹⁷). Вывод, который мы можем сделать, преодолевая эти трудности, состоит в том, что предложение «холостяк – это не женатый человек» является замаскированным высказыванием о *уже установленных фактах* (и тогда истинность аналитических предложений всегда будет зависеть от факта, в чём оно ничем и не отличается от синтетического высказывания).

Рассматривая проблему редукции аналитических предложений к логическим истинам, можно выделить несколько трудностей (кроме тех, о которых писал Куайн) в этой операции. Допустим, что вместе с Карнапом мы утверждаем логическую истину: «Джек женат или не-женат» ($p \vee \neg p$) и говорим, что предложение «Джек женат или холост» ($p \vee q$) сводится к первому предложению за счет того, что слова «не женат» и «холостяк» являются *синонимами* ($\neg p = q$). Но дело в том, что связь терминов «не-женат – холостяк», не просто не является синонимичной – она даже не удовлетворяет более слабому критерию эквивалентности, который может быть выражен так: эквивалентные термины суть те, которые можно подставить один вместо другого с сохранением истинности. Термины «не-женат – холостяк» не удовлетворяют этому критерию, достаточно предположить такую ситуацию: например, мы говорим: «Джек — не женат», и если мы считаем «не-женат» и «холостяк» эквивалентными терминами, то мы можем заменить один термин на другой, не

изменяя истинности предложения, и сказать: «Джек – холост», однако это предложение может быть и ложным, поскольку Джек, хотя и не женат, но уже помолвлен.

Вторая трудность Карнапа заключается в том, что *синонимичность терминов не может быть установлена без обращения к фактам*. Однако это затруднение он пытается решить следующим образом: «Допустим... автор системы хочет, чтобы предикаты “В” и “М” обозначали свойства “холостяк” и “женатый” соответственно. Откуда он знает, что эти свойства несовместимы и что поэтому он должен сформулировать постулат P_1 . Это вопрос не знания, а решения. Его знание или мнение, что слова обычного языка “холостяк” и “женатый” всегда или обычно понимаются таким образом, что они оказываются несовместимыми, может повлиять на его решение... В данном случае это влияние относительно ясно, но в других случаях оно бывает гораздо менее ясным»¹⁹. Но одним решением многого не добьешься, если мы хотим дать интерпретацию нашей формальной системе, то это вопрос не решения, а знания. Конечно, среди множества возможных альтернатив интерпретации выбирают одну определенную, и здесь можно увидеть примат решения; однако такое решение происходит на основании знания – *иначе какую бы ценность имела такая интерпретация?* В сущности она не была бы интерпретацией, а была бы лишь операцией по установлению отношений между двумя парами символами в неинтерпретированной формальной системе. Такая система оставалась бы бессмысленной и бесполезной, потому что «...переменные сами по себе не обладают значением»¹⁹. Таким образом, мы утверждаем, что *редукция аналитических высказываний к логическим истинам не может происходить без обращения к фактам*.

Третий вопрос – об интерпретации логических истин – является отдельной темой для глубокого исследования и, следовательно, его детальный обзор заставил бы нас выйти за рамки данного исследования. Мы лишь ограничимся утверждением, что в противоположность карнаповской интерпретации основ логики существуют и другие интерпретации не менее авторитетных специалистов в этой сфере (например, концепция Лукасевича, мнение которого мы приводили, настаивающего на эмпирической основе дедуктивных наук). Кроме эмпирической интерпретации также существует нормативистская интерпретация, когда логические истины являются определенными нормами или схемами, на которых должна основываться наша познавательная деятельность. Например, так называемый закон противоречия ($\neg(p \wedge \neg p)$) может интерпретироваться следующим образом: «Нельзя утверждать и отрицать нечто о какой-либо вещи в одно и то же время» (на

нормативный характер этого предложения указывает слово «нельзя»).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что истинность аналитических предложений зависит от фактов, и, следовательно, они в этом отношении ни чем не отличаются от синтетических, и дихотомия суждений на аналитические и синтетические, выглядит необоснованной.

Примечания

- 1 *Вейнгартнер П.* Фундаментальные проблемы теорий истины. М., 2005. С. 194.
- 2 *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994. С. 32–38.
- 3 *Фреге Г.* О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика. М., 2000. С. 230, 246.
- 4 *Дьюи Дж.* Реконструкция в философии. М., 2001. С. 28.
- 5 Проблема разделения знания на аналитическое и синтетическое отсылает нас к вопросу о статусе теоретических терминов в науке, и в этом отношении проблема «разделения» приобретает особую значимость, как для самих философов, так и для ученых-теоретиков (см, напр.: *Хинттика Я., Ниинилуото И.* Теоретические термины и их Рамсей-элиминация: очерк по логике науки // Философские науки. 1973. № 7).
- 6 *Карнап Р.* Значение и синонимия в естественных языках // Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 348.
- 7 *Карнап Р.* Значение и необходимость. М., 1959. С. 38, 41.
- 8 *Карнап Р.* Постулаты значений // Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С. 321, 43 (ср.: *Карнап Р.*

- Философские основания физики. М., 1971. С. 350).
- 9 *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 1. С. 33.
- 10 *Карнап Р.* Значение и необходимость. С. 40.
- 11 *Карнап Р.* Постулаты значений. С. 324–327.
- 12 *Остин Дж.* Значение слова // Остин Дж. Избранное. М., 1999. С. 315 (ср.: *Дэвидсон Д.* Истина и значение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVIII. С. 103; *Хинттика Я.* Семантика пропозициональных установок // Хинттика Я. Логико-эпистемологические исследования. М., 1980. С. 69).
- 13 *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959. С. 280.
- 14 *Рассел Б.* Человеческое познание: его сферы и границы. М., 2007. С. 155; ср.: *Куайн У.* Две догмы эмпиризма // <http://quine-ocr.narod.ru/online/articles/quine-twodogmas.htm>
- 15 *Остин Дж.* Значение слова // Остин Дж. Избранное. М., 2001. С. 315–316; ср.: *Куайн У.* Натурализованная эпистемология // <http://quine-ocr.narod.ru/online/articles/quine-nate-pistem.htm>
- 16 *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. С. 281.
- 17 Ср.: *Остин Дж.* Истина // Аналитическая философия: становление и развитие (антология). М., 1998. С. 190; ср.: *Хинттика Я.* Проблема истины в современной философии // Вопросы философии. 1996. № 9. С. 50.
- 18 *Карнап Р.* Постулаты значений. С. 324–325.
- 19 *Тарский А.* Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М., 1948. С. 32.

УДК 1:316

АРХАИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ: МИФ КАК ФОРМА СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

С.В. Тихонова

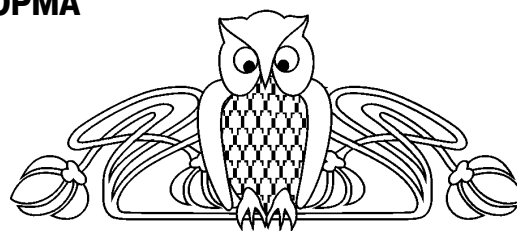
Саратовский государственный социально-экономический университет
кафедра рекламного менеджмента и связей с общественностью
E-mail: segedasv@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению архаической сакральной мифологии в рамках коммуникационного подхода. Мифотворческий процесс рассматривается как форма социальной коммуникации, связывающей в единое целое социальный порядок племени, организующей все виды социального взаимодействия и связей и наделяющей смыслом племенные обряды и институты.

The Archaic Mythology: the Myth as the Form of the Social Communications

S.V. Tikhonova

The article is about the consideration of the archaic sacral mythology within the framework of the communication approach. The myth creation process is considered as the form of the social communications which connecting the social order of the tribe in a single unit, organiz-

ing all kinds of social interaction and relations and giving the tribe rites and institutes by sense.

Мифология традиционно определяется как форма общественного сознания, способ понимания природной и социальной действительности на ранних стадиях общественного развития¹. Данное определение акцентирует ее онтологический и гносеологический аспекты, но оставляет в тени аспект социальный. В итоге сущность мифа раскрывается на уровне устного сообщения. Тогда мифология оказывается совокупностью мифов, т.е. повествований о богах и/или героях, объясняющих явления природы или человеческой реальности. В некоторых социокультурных условиях такая точка зрения часто правомерна, но